

Научная социология в корне отрицала это повеление: говорить о «душе народа» это де такое произвольное словосочетание, с каким настоящая, подлинная «наука» оперировать не может.

Однако это, столько раз отрицавшееся повеление в настоящее время все больше и больше начинает получать права гражданства. Мы чувствуем, что «народная душа» не есть пустое слово; когда мы говорим о различных революциях в Германии и революции в России, о возможной революции в Англии и Франции — мы знаем, что не только социальные условия будут тут действовать, но какие-то тончайшие нити протянуты от социальных условий к тому, что мы называем «душой народа».

И когда мы говорим о культуре, мы говорим именно о душе народа; классе только случайный выразитель этой культуры как класс среднего дворянства был выразителем русской культуры и русской литературы XIX-го века).

В то время, как цивилизация растекается приблизительно равным слоем по лицу всей земли, всей страны, всего мира, культура глубоко народна, глубоко индивидуальна, глубоко национальна.

В этом заключается и постановка вопроса о «пролетарской культуре», и определенный ответ на него.

Однако, здесь надо сразу устранить возможность ряда недоразумений.

Прежде всего, когда мы говорим о «пролетарской культуре», то мы говорим только о возможности, но не о реальном осуществлении.

Самые левые и борющиеся сторонники, ломающие копыта за «пролетарскую культуру», все таки прекрасно знают, что она — дело будущих дней, грядущих возможностей, что, сегодня ни о какой пролетарской культуре и речи не может быть, потому что прошло всего три дня мировой истории, как пролетариат начал себя проявлять, и было бы смешно требовать, чтобы это проявление стало бы реальным в течение такой трехдневной истории. Когда в начале века христианства, кому-нибудь уличному римлянину сказали бы, что будет существовать христианское искусство, христианская культура, он, вероятно, и слова бы не выдал.

Но, ведь, христианская культура слагалась, строилась в течение веков и какой-нибудь готический собор XIII или XIV столетия был отражением того, что произошло в первый век по Р. Х.

Каковы дальнейшие перспективы того, что мы можем назвать народной культурой, никто из нас не знает.

Мы только знаем, что случилось «что-то» в мире, и это «что-то» вылилось в формы социальной революции и потрясло старый фундамент, старые устои.

Пошатнулось что — цивилизация или культура? Трамвай не ходит, телеграф не действует, печи не топятся — «цивилизация» парушена.

Но, с другой стороны рухнула и культура определенного европейского уклада, оная сошлась на беседы о «кризисе культуры», которые уже несколько месяцев ведутся на заседаниях Большой Французской Ассоциации.

Но так, или иначе, каково бы ни было дальнейшее развитие и цивилизации и культуры, но ясно, что пролетариату, как классу, доступно будет только то, что было доступно, как классу, буржуазии.

Буржуазия, как класс, не строила культуры, но строила определенные формы цивилизации и эта цивилизация была классовая и интернациональная.

Пролетариату в будущем может принадлежать только та же самая роль, сократив старые формы, он будет иметь возможность, он будет принужден построить новые формы цивилизации, но в эти новые формы цивилизации, которые будут интернациональны и классены, должно быть вложено творческое содержание.

Кто его возьмет? Определенный класс, который идет за пролетариатом? Нет. Содержание это вливается не классом, а вливается народом, и пролетариат, как часть этого народа, как часть громадного целого вливает и выявляет в новых формах культуру, которая для нас еще не ясна и которую представить мы можем только очень и очень проблематически.

Именно часто, когда с высоты определенного времени и с высоты исторических перспектив переходим к вопросам сегодняшнего дня, приходится слышать пниющие речи о будущей цивилизации, о будущей культуре.

И не думаю, что преувеличу, если скажу, что из 100 человек 90 шипят.

И невольно напрашивается деление массы людей на «шипящих» и «пыхтящих».

Шипящие — это змеи, которые, ненавидят все окружающее, ненавидят все, что совершилось; они шипят (как шипит один большой русский писатель): «пус-с-сто мес-е-сто» все провалилось, все рухнуло, жето пусто, мрак и ночь.

Этих шипящих очень много среди нас, мы ими окружены, и новое творчество, новый строй форм культуры идет под этот непрерывный свист.

Но, относясь совершенно определенно к этому шипу и свисту, нужно определенно отнестись и к тем, которых можно назвать «пыхтящими».

Пыхтящие — это те идеологи пролетариата, те лягушка из басни Крылова, которые хотят раздуться до буржуазного вола.

Смотри-ка, квакушка, что, буду-ль я с не-го. Нет еще — «И вот пыхтела да пыхтела», — конец басни Крылова не будет ли концом современных идеологов пролетариата, которые думают что творчество культурных ценностей уже в настоящее время чуть-ли не завершено.

Все это попытки сравниться с буржуазным волом, который, по мнению этих представителей пролетарской цивилизации, уже подыхает, если не сдох, во всей Европе.

Но зачем же надуваться, пыхтеть и сравниваться с тем, что, может быть, является уже мертвым телом.

Это пыхтение и желание раздуться до размеров буржуазного вола есть другая сторона змеиного шипения и тоже подлежит самому решительному осуждению, ибо мы должны признать, что раздуться в настоящее время до вола этим людям нет никакой возможности и никаких надежд на ближайшее будущее.

Ибо посмотрите, в какие формы вливается все то, что считается в настоящее время «пролетарским искусством».

Это самый последний сорт всего того, что когда-то ютилось на столбцах самых уважаемых буржуазных газет.

Есть отрадные исключения, есть несколько подлинно даровитых поэтов, есть несколько талантливых людей; но они не «раздувают-

ся», раздуваются всегда только те, которые по величине своей не могут сравниться с волом.

Резюмируя вкратце, скажу следующее: «пролетарскую культуру» я не верю и таковой не знаю, также как не знаю и «культуры буржуазной»; в пролетарскую цивилизацию я верю, и верю, что, смыв буржуазную цивилизацию прежних столетий, она построит на смывом месте нечто новое, нечто свое, в формах, которые мы теперь ясно представить не можем.

Но в культуру, не буржуазную и не пролетарскую, я глубоко верю, верю в то творчество, которое пойдет не по классовым рубрикам, а которое вольно, ибо дышит, где хочет, и творчество это будет и не пролетарским и не буржуазным, оно будет народным.

А дальнейший этап, который мы еще и предвидеть не можем, который так далек, что мы теряемся в исторических перспективах, — творчество уже не народное, а творчество все-народное, в буквальном смысле интернациональное, творчество не русское, не немецкое, не французское, творчество объединенного человечества.

К этому история мира идет, к этому, может быть, когда-нибудь она придет.

Когда мы говорили о пролетарской культуре или цивилизации, пускай все-таки точнее определить: о чем идет речь.

Если речь идет о внешних формах строительства, то для пролетариата тут такая же широкая дорога, какая была в свое время у буржуазии; пролетариат эту дорогу себе пробьет.

Если же речь идет о внутреннем содержании строительства, то и здесь пролетариату открыт широчайший путь, но не как классу, а как творческому началу одного общего великого целого — великого народа.

Иванов-Разумник

ПРЫЖОК В ЦАРСТВО СВОБОДЫ.

Со стороны одной части общества мы слышим: пролетарская культура есть именно та культура грядущего, которая раскроет нам то, что в условиях современной действительности, пока в мире существует буржуазный строй, останется закрытым; а со стороны другой части общества мы имеем целый ряд ка-

исторических утверждений, отрицающих самую постановку вопросов о пролетарской культуре, потому что пролетариат есть класс и как класс среди классов развивает свое отношение к действительности; между тем культура мыслится многими, как нечто общечеловеческое, как нечто выходящее из рамок классов.

Думается мне, что в зависимости от того, как будем мы брать тему «пролетарская культура», как будем ставить самый вопрос о пролетариате и культуре, мы получим совершеннообразные ответы.

Мои замечания не будут касаться утверждения или отрицания пролетарской культуры; они будут касаться скорее целого ряда недоразумений, которые надо устранить.

Все мы знаем утверждения, что пролетариат несет нам царство свободы и что переход к будущему социалистическому строю есть переход от необходимости к свободе, что весь наш строй обусловлен необходимостью, так что мы не можем представить себе свободного развития того строя, который должен заменить существующий строй.

Таким образом, картина будущего социалистического человечества, встающая перед нами, является как бы скрытой флером представлений о необходимости, влисаемых нашей собственной кровью и плотью; и таким образом, это царство свободы, является никак не открываемым, никак неопределяемым.

При такой постановке проблемы, мы имеем право себе задать ряд вопросов.

Если царство свободы не определяемо в условиях нашей действительности, то оно представляется нам не как нечто реально раскрывающееся, а как нечто, при помощи чего мы отрицательно определяем свое отношение к современной действительности; и первый вопрос, тут встающий — таков: есть ли царство свободы нечто реальное, конкретное, что имеет свое действительное содержание или это, как говорят в философия, постулат, т.е. последняя, завершение наших представлений и притом совершенно абстрактное.

Царство свободы противопоставляется необходимости; вся старая культура, породившая царство буржуазной культуры, признается царством необходимости, царством несвободы, и упразднение этого царства раскроет другую культуру, культуру свободы.

И вот, спрашивается, откуда разовьется эта свобода? Есть ли культура свободы действительно нечто конкретное, а не только теоретический ход мысли, показывающий, что здесь обрываются наши конкретные представления. Из ничего может развиться только ничто. Стало быть если мы думаем, что революция ведет нас в конкретное царство свободы, мы должны положить, что некоторые начатки этого конкретного царства в нас заложены.

Это один вопрос.

Другой вопрос встает перед нами, когда мы сосредоточиваем наше внимание на необходимости. Если в современном строе господствует необходимость, то, ведь, и пролетариат является следствием этой необходимости; он есть показатель распада и разложений, внесенных буржуазной культурой — стало быть, пролетариат не является вовсе тем классом, который нас вводит в раскрывающуюся свободу; или пролетариат, упраздняя необходимость, но сам являясь порождением необходимости, упраздняет сам себя; необходимость ликвидирует в пролетариате сама себя.

Так или этак, но думается мне, что оба решения при всей их ясности страдают абстрактностью.

Проще всего, представление о необходимости и свободе, рождаемой из ничего, не может нас удовлетворить.

Если действительно пролетариат проводит нас через Фермопильское ущелье, порождая диктатуру пролетариата, то он же выводит нас в долину, где человечество встречается уже по иному: для позитивной работы и для культурного творчества. Стало быть в пролетариате есть зиждательная сила, какие-то особые, благоприятные условия для мучительного перехода к раскрытию человеческой свободы; свобода и в нашем строе как-то загадочна, но связана условиями механической жизни, т.е. ненормальным ростом промышленности.

Таким образом следует полагать: пролетариат в силу классовых условий приближается к всечеловечеству; он является носителем всечеловеческого идеала, оставаясь классом.

При такой постановке вопроса следует представить себе двойственность пролетариата — с одной стороны в пролетариате есть нечто, противоположное классам; с другой стороны пролетариат есть класс среди классов; взирая пролетариате как класса на

является ли порождением царства необходимости, которое упраздняется?

Следует остановиться и на другом. Теоретики социализма говорят про организующие способности пролетариата (история есть процессе организации). С этой точки зрения разные исторические периоды суть периоды организаторские, и все человечество в конце исторического процесса — явится организованным коллективом; такой коллектив и кладется в основу представления о социалистическом строе.

Организация, связь индивидуумов полагается теоретиками социализма в основу будущего строя. Но тут же в основу истории кладется представление о механической необходимости. Механика есть нечто диаметрально противоположное организму. Таким образом, если пролетариат несет в себе идеал свободы, которая мыслима, как органическое развитие способностей к свободному соединению человеческих индивидуальностей в общеобразном деле труда и творчества тогда как раз представление о человечестве, как механизме, будет представлением, внесенным из царства необходимости, из буржуазной культуры, представляющей историю как пожирать механизм живой индивидуальности. У многих теоретиков, для которых пролетариат есть символ будущего, ярко выражен взгляд на развитие человечества, как механизма, законы исторической необходимости, будучи определяемы чисто материальными потребностями человека, механически подвигают нас к свободе. В идеологии марксизма, кладущей механический метод в основу своих представлений, много замечено у буржуазной культуры, которую опрокинет пролетариат; идея необходимости, рока связанности в различных мировоззрениях современности вынашивает культуру, обреченную на гибель; возникает вопрос (его и было бы желательно выдвинуть) в какой мере взгляд на историю, как на процесс постепенной организации, соединен с детерминистическими представлениями некоторых теоретиков социализма.

Если мы положим необходимость в основу наших представлений, то мы должны заявить: в необходимости не может быть революции; эволюция есть основа самой революции.

Революция — эпизод эволюционной истории; если капиталистическое производство, развиваясь с необходимостью порождает свою

ликвидацию, то смысл социальной революции, т.е. обобществления орудий производства, является лишь эволюционным завершением некоторого огромного периода, последним этапом революции; тогда почему же мы называем социальную революцию — революцией, когда мыслим ее эволюционно.

При таком взгляде социальная революция не может нам вскрыть положительно культуру свободы; и таким образом, пролетариат как последнее звено в эволюции человечества, есть лишь класс, раз'едающий все гнилое и не создающий нового.

Итак, если мы положим механический взгляд на человека и на историю человечества, то мы должны будем сказать, что пролетарская культура не есть культура новая и последний этап культуры старой. Я не разделяю этого взгляда; я только подчеркиваю: такая точка зрения исходит из намеченных идеологических предположений. Она подчеркивает ликвидирующее значение пролетариата, как класса, который путем организационной борьбы ликвидирует наши представления о культуре.

Такой взгляд влагает в пролетарскую культуру чисто милитарный смысл, — пролетарская культура есть та, которая заканчивает борьбу; она ликвидирует, кончает, она оттачивает орудия борьбы; в таком случае пролетарская культура противоречит общим представлениям о культуре, как о начале организующем и соединяющем; тогда пролетарский милитаризм, ограничивающий и суживающий представления о пролетарской культуре, в представлении о культуре класса ныне существующего, не может связаться с представлением о культуре будущего; о той культуре, которая может быть развитой только тогда, когда человечество будет освобождено от классовых предрассудков. Выдвигается и другой взгляд, противопологающий себя взгляду, только-что указанному.

Указывают на то, что задачей пролетарской культуры не является ликвидация продуктов культуры; если все культуры, организованную буржуазной, необходимо сдать в архив, то мы должны сдать в архив и все наши собственные представления о пролетарской культуре вместе с произведениями искусства. Задача пролетариата не в том, чтобы быть культурой милитарной,

должен высвободить эту культуру из буржуазных оков.

С точки зрения этих представлений, буржуа это тот, у которого верхняя одежда и пролетарий тот, у которого нижняя одежда, но и под нижней одеждой есть человеческое тело без одежды.

Может быть, там, где начинается человеческое существо человеческое, там и начинается представление о подлинной, не выраженной необходимостью, свободной культуре; пролетариат и ставит задачей себе вылить эту свободу; она в нас загадана и, может быть, не имеет своих выражений, поднимаясь как музыка в душе.

И полагаю, что многое в устремлениях пролетарского сознания следует отнести к свободе, высвобождающей в человеке — человека существо: пролетариат, имея свой смысл, как класс боевой, имеет, может быть, другой, второй смысл, воистину человеческий смысл. Царство свободы, прыжок в которое из необходимости изображает Энгельс, в нас нашими продвигатыми догматами задавлено.

Пролетариат в устремлении к всечеловеческой культуре является дверью, вскрывающей как раз сторону культуры, которая до сих пор остается не буржуазной, не дворянской и не пролетарской, а человеческой.

В пролетарском мировоззрении нас встречает нечто динамическое; трудовое царство, противопоставленное царству капитала, есть царство динамики, энергии, действия, а не царство золотых вещей.

Цивилизация культуры динамична; картина имеет не три измерения; четвертое измерение ее есть все то, что она будит в душе; это динамический круговорот переживаний, трудовая идеология, как динамическая, противопоставляется идеологии статической, но в трудовой идеологии еще не выяснено понятие действия; человек есть человек трудящийся, активный, не почивший на лаврах; нужно вскрыть теперь трудовое действие; в чем оно проявляется.

Есть ли труд — бремя связывающее человека, или, наоборот будущее раскрытие труда преобразует его в творчество.

Мировоззрение трудовое должно еще углубить понятие трудовых действий; на них ведь оно строит царство свое: есть ли трудовое

действие общеобязательный государственный клин, который всех одинаково приневоливает, или же наоборот, оно есть свободное излучение человеческого творчества.

А будущее царство культуры нами и мыслимо, как царство творчества, где индивидуумы соединяются в коллектив для всеобщего творения бесконечных ценностей.

Представление о таком творчестве, о такой культуре противопоставляется другим взглядам на культуру так, как в искусствах музыка противопоставляется другим искусствам: в музыке мы имеем нечто, возбуждающее нашу душу, нечто, говорящее нам, в других искусствах мы имеем те или иные образы, то или иное связанный с материей.

Когда мы слушаем музыкальное произведение, мы должны сказать, что музыка не связана ни с какими образными, конкретными представлениями; пролетарская культура, если она несет в себе свободу, еще не имеет своих творческих ценностей, образов, но, как музыка, она есть импульс к какому-то новому творению.

Выявить эту музыку, разбить скорлупу на творчество, высвободить творчество из обязательного труда это и значит превратить человека в свободного гиганта, которого вся жизнь претворится в музыку; поскольку и культура его есть динамическая творческая культура; лишь начатки ее мы носим в себе; эти начатки еще не раскрыты, они нам загаданы, как непонятная музыка, движущая вперед и вперед.

Но тогда мы не можем сказать, что будущее пролетарской культуры связано именно со скачком из царства необходимости как чего-то конкретного, в царство свободы, как чего-то абстрактного, а это есть высвобождение из смутно загадочных человечеству устремлений к творчеству, освобождение этих зачатков творчества, уже в нас во всяком строе существующих, выявление их и организация жизни по законам этого творчества.

Вот какие разные представления возникают в нас, когда мы сосредоточиваем наше внимание на вопросе о пролетарской культуре.

Андрей Белый.

НОВОСТИ ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

В Германии вышло посмертное произведение Курта Эйснера: «всемирно-исторический фарс», под названием «Испытание богов». Произведение это, начатое им в 1898 г. в тюрьме и законченное в крепости в 1918 году, представляет собою символически-сатирическую драму в стихах, проникнутую большим поэтическим талантом.

Уэллс от романов перешел к писанию истории. Он выпустил сейчас историю человечества, начав с древнего доисторического периода. Английская печать с большим вниманием отмечает ее социалистический идеализм.

«От Килья до Каппа» — так называются воспоминания Песке, вышедшего в отставку после монархической авантюры в Берлине.

В Берлине поставлена пьеса «Безвластные» только что умершего поэта Людвиг Рубинера, бывшего во время войны в Швейцарии членом международного кружка писателей-антиимитаристов (Рене Шикеле, Андрей Мяско, Ромен Ролан, Апри Барбюс). Пьеса полна неясных анархических устремлений, абстрактного революционного идеализма. Критика, сравнивая ее с «На дне» Горького, отзывается о ней сдержанно.

«Гибель Запада» — так называется книга Освальда Шпенглера, многими определяемая как гениальная. На основе почти энциклопедического знания автор по новому освещает проблемы «культуры и цивилизации», освещает вопрос о «жизненном духе нации», выступает защитником всемирного «империалистического» размаха нынешней культуры. Отдельная часть книги будет посвящена России.

Герман Бар выпустил большую книгу-дневник: о политике, хозяйстве, искусстве.

В двух томах вышла новая «История немецкой музыки» Мозера.

В Праге с успехом поставлена пьеса Газенклевера под названием «Люди» — новый вид калейдоскопической драмы.

Вышла новая книга В. Видмана «Театр и революция». Книга глубоко разбирает вопросы о соотношениях сцены и переворотов, начиная с эпохи французской революции.

В Берлине «Образование» нового издательства, посвященное произведениям романтизма, под названием «Венок лучей». Первые 3 тома содержат произведения Г. Шлафа, Э. Райха и Вакенродера.

«Дневник девочки — подростка», исторический человеческий документ, издан венским ученым З. Фрейдом и психо-аналитическим издательством, как первый выпуск собрания «документов-источников душевного развития». Критика ставит этот документ в связь с героиней Ведекиндова «Пробуждение весны». Отметим в этой области новый труд Т. Райха «Проблемы религиозной философии».

Вышел первый ежегодник германской независимой партии, посвященный вопросам политики и пролетарской культуры, под названием «Революция», под редакцией Штроссбургера. Книга содержит сорок статей, в том числе Гаазе, Гильфердинга, Каутского, Деймита и др.

Вышла новая книга венского государственоведа Кельсена: «Социализм и государство» (исследование политической теории марксизма). Основная мысль ее: и безгосударственное общество будет государством.

Вышла книжка, содержащая некоторые материалы из революционной жизни Е. Левина. Она содержит в себе его литературное произведение «Агасфер», речь перед судом и др.

Г. Майер выпустил книгу: «Ф. Энгельс в ранние годы 1820 — 1851».

В Франкфурте с большим успехом поставлена новая пьеса Фрида фон-Упру: «Место», составляющая продолжение его «Поколения» (две части трилогии). Автор с огромной силой выступает против развенчанного войной буржуазного общества, построенного на принципе «ты должен», во имя иного строя, воплощающего принцип: «я хочу» ради любви. Новая

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦІЯ.

В. Ильинъ. (Н. Ленинъ). Государство и революція (Ученіе марксизма о государствѣ и задачи пролетаріата въ революціи). Вып. I. Пер. 1918 г. Изд. «Жизнь и Знаніе», ц. 2 р. 50 к., стр. 113.

Въ своей новой работѣ Н. Ленинъ поставилъ передъ собой задачу вскрыть то извращеніе идей классическаго марксизма, которое допустили многочисленныя оппортунистическіе «ученики» Маркса и Энгельса. Теперь Ленину приходится соглашаться съ тѣмъ, что давно до него и по другимъ случаямъ говорили революціонныя «критики марксизма слѣва»: что часто истинная сущность революціоннаго марксизма ученія извращалась его ортодоксальнѣйшими «учениками», омѣщавшими великую сущность социалистическаго движенія. И нужно сознаться, что свою работу Ленинъ выполнилъ съ большой основательностью и мастерствомъ. Книга его пестритъ рядомъ удачно подобранныхъ цитатъ изъ учителей социализма—Маркса и Энгельса», которыя или забыты «ортодоксальными» марксистами, вульгаризовавшими это великое ученіе, или извращены ими, вмѣстѣ съ буржуазными толкователями Маркса.

Основная мысль Ленина заключается въ томъ, чтобы доказать, что марксизмъ мыслилъ понятіе государства въ видѣ «орудія классоваго угнетенія эксплуатируемыхъ эксплуататорами». Отсюда—положительное разрѣшеніе вопроса объ «антитезисѣ» современнаго государства—диктатурѣ пролетаріата, и синтезисѣ—«отмираніи» всякаго вообще государства за его ненужностью.

Если только эту задачу поставилъ передъ собой авторъ—тогда онъ выполнилъ ее блестяще. Но всѣ эти сотни цитатъ изъ Маркса и Энгельса, несмотря на то, что онѣ необходимы для разоблаченія «псевдо-социалистовъ», имѣютъ значеніе схоластическихъ разсужденій. Дѣло въ томъ, что сама теорія Маркса въ этомъ вопросѣ значительно его суживаетъ. И никакіе добросовѣстные комментаріи не исправятъ этой невѣрной теоріи. Особенно это характерно, когда Ленинъ цитатами изъ Энгельса (стр. 69—70) желаетъ разоблачить «ложь мелкой буржуазіи о преимуществахъ федерализма». Въдѣ если отвернуть «діалектическую предпосылку», что государство—это *только* орудіе классоваго угнетенія, тогда придется не останавливаться на «неизбѣжномъ» отмираніи государства, а самимъ его разрушать въ цѣляхъ освобожденія индивида. Расовые, національные, половые, духовные и др. антагонизмы, которыхъ мы еще не знаемъ, создадутъ и въ будущемъ обществѣ необходимость принужденія *нѣкоторыхъ*, а, слѣдовательно, и орудіе принужденія въ видѣ государства (ибо до сихъ поръ другихъ орудій принужденія еще не придумано). Въ этихъ предпосылкахъ, развертывающихся вопросъ за предѣлы экономически-политическаго фактора, работа Ленина не отвѣчаетъ на вопросы о будущемъ государственномъ строѣ, несмотря на то что онъ хочетъ все-таки вопреки марксистской привычкѣ заглядывать въ это будущее. Въ этомъ смыслѣ никакихъ новыхъ перспективъ работа Ленина не открываетъ, поскольку она является только комментаріемъ. Впрочемъ, работа еще не закончена и, быть можетъ, Ленинъ изъ опыта русской революціи 1917 года сможетъ дать тѣ выводы, которые сдѣлать онъ обѣщаетъ.

В. Трутовскій.